

В упоминавшейся выше „Епистоле о стихотворстве“ А. П. Сума-рокова находится термин „игрище“:

Для знающих людей ты игрищ не пиши.

Следует иметь в виду, что второй стих, поясняющий мысль Сума-рокова, звучит так:

Смешить без разума — дар подлая души.

Иными словами, „игрища“ — это смешные пьесы черни, „подлого народа“. Я. Штелин в статье „К истории театра в России“ писал о том, что придворные конюхи на масленице и святках разыгрывали „жалкие комедии“, „игрищи“ („комедии“, поясняет он) и сравнивает их с французскими „sottises (!) théâtrales“, с грубыми фарсами.¹ Наконец, с названием „игрище“ и „игралище“ в применении к народному репертуару XVIII века мы встречаемся в „Описании столичного города Санкт-Петербурга“ акад. И. Георги, изданном в 1794 году в переводе П. Безака (немецкий текст вышел в свет в 1790 году). „Игралища, — пишет Георги, — уже с древних времен были увеселением российского народа... Общества молодых мужчин, слуги и другие представляют наиувеселительнейшим образом в приторных одеяниях всякие комические и трагические важные деяния, басни, сказки, чудеса, кощунства и пр. Каждое представление не продолжается более получаса, а потому и бывает оных в день до 30 и более“. Отметив, что на „игралищах“ выступают скороходы, эквилибристы и атлеты, Георги продолжает: „Простой народ имеет также и здесь от праздника Рождества Христова до 6 генваря сборища, игрищами называемые, где представляют разные смешные игралища, при коих арлекин или дурак всегда бывает“.²

Из приведенных материалов видно, что „русская“ или „российская комедия“ представляет одну из разновидностей „игрищ“, или „игралищ“. Хотя, как указывает Георги, в составе „игралищ“ исполняются и „трагические важные деяния“ (вероятно, „акты“), однако основной характер этого вида народных зрелищ — забавный („комические... деяния, басни, сказки“), даже сатирический („кощунства“). Таким образом, „русская комедия“ и „игрища“ — это демократическая линия русской комедии XVIII века.

Со времен статьи Н. С. Тихонравова „Начало русского театра“ „игрища“ рассматриваются в качестве одного из элементов русского историко-театрального процесса.³ Особенно много места уделил этому жанру В. Н. Всеволодский-Гернгросс в первом томе „Истории русского театра“; здесь глава вторая — „Театр семейно-племенной общины“ — занята изложением и анализом материалов „игрищ“.⁴ Однако для всех театроведов, от Тихонравова до Всеволодского-Гернгросса, понятие „игрище“ остается неизменным, равным самому себе, и именно исключительно явлением „обряда—игры“. На дальнейшее развитие игрищ, на их переход из области обрядной в сферу театральную, на социальное содержание этого жанра в XVII—XVIII веках историки

¹ J. Stehlin. Zur Geschichte des Theaters in Rußland. В кн.: Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Rußland, t. I. 1769, Riga und Leipzig, стр. 399—400. В русском переводе 1779 года (и его последующих перепечатках) это место опущено.

² И. Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794, стр. 655—656 (§ 1014).

³ Н. С. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, т. III, отд. II. М., 1861, стр. 9 и сл.

⁴ В. Н. Всеволодский-Гернгросс. История русского театра, т. I, стр. 99—191, в особенности стр. 155—174.